

делённые правила, из которых делались множественные исключения, что существенно нарушало логику и системность закона; содержание ряда понятий и правил укладывалось то в лапидарные, то в чрезмерно детализированные и казуистические формы; далеко не всегда соблюдалась преемственность законодательства [5, с. 17].

Хотя история науки уголовного права в России берет начало в XVIII веке, она не выработала в рассматриваемый период единого подхода и общего учения о соучастии, не оказала существенного влияния на разработку законодательства. Тем не менее проблема соучастия в науке того времени была одной из важных и привлекала к себе пристальное внимание исследователей [7, с. 118-120; 8, с. 14-15]. Это особенно касалось видов соучастников, разграничения их функций, ответственности за совершенное преступление, что в известной мере все же позволило отразить достижения теории уголовного права в нормативных актах. Так, разработчики Уголовного уложения 1903 г. активно опирались на начально-законопроектной стадии на науку.

Исследователи отмечают, что именно в этот период значительное количество понятий института соучастия было разработано настолько безупречно, что они как с точки зрения содержания, так иногда даже с точки зрения формы дошли до настоящего времени [4, с. 36].

1. Алексеев Ю.Г. Псковская Судная грамота: Текст. Комментарий. Исследование. – Псков, 1997–148 с.
2. Белокуров О.В., Востров М.А. Формы и виды соучастия в российском уголовном праве // «Чёрные дыры» в российском законодательстве. Юридический журнал. – 2009. – № 2. – С. 197 – 200.
3. Булнина О.З., Балеев С.А. Дискуссионные вопросы форм соучастия в уголовном праве // Российский следователь. – 2007. – № 4. – С. 25 – 28.
4. Галактионов Е.А. Вопросы соучастия в русском уголовном праве // История государства и права. – 2002. – № 6. – С. 35 – 36.
5. Галактионов Е.А. Соучастие в преступлении: Монография / Е.А. Галактионов; Под ред. В.П. Сальникова; Санкт-Петербургский университет МВД России. – СПб., 2001. – 227 с.
6. Галактионов Е.А. Формы и виды соучастия: теоретико-правовые аспекты // Российский следователь. – 2002. – № 8. – С. 31 – 32.
7. Епифанова Е. В. Проблемы соучастия в преступлении в теории российского уголовного права до 1917 г. // Государство и право. – 2005. – № 3. – С. 118 – 120.
8. Епифанова Е. В. Становление и развитие института соучастия в преступлении в России: Автореф. дис... канд. юрид. наук / Е.В. Епифанова. – Краснодар, 2002. – 24 с.
9. Клименко Н.Ю. Уголовно-правовые и криминологические признаки форм соучастия: Автореф. дис...канд. юрид. наук / Н.Ю. Клименко. – Саратов, 2002. – 27 с.
10. Мондохонов А.Н. Формы соучастия в преступной деятельности: Автореф. дис...канд. юрид. наук / А.Н. Мондохонов. – М., 2005. – 22 с.
11. Псковская Судная грамота // Российское законодательство X-XX веков. В девяти томах. – М.: Юридическая литература, 1984. – Т. 1. Законодательство Древней Руси. – С. 321 – 386.
12. Соборное Уложение 1649 года // Российское законодательство X-XX веков. В девяти томах. – М.: Юридическая литература, 1985. – Т. 3. Акты Земских соборов. – С. 75 – 442.
13. Стоглав // Российское законодательство X-XX веков. В девяти томах. – М.: Юридическая литература, 1985. – Т. 2. Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства. – С. 241 – 403.
14. Таганцев Н.С. Русское уголовное право. Лекции. Часть общая. В 2 т./ Н.С. Таганцев. – М.: Наука, 1994. – Т. I. – 380 с.
15. Уголовное уложение 22 марта 1903 г. // Российское законодательство X-XX веков. В девяти томах. – М.: Юридическая литература, 1994. – Т. 9. Законодательство эпохи буржуазно-демократических революций. – С. 240 – 321.
16. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных // Российское законодательство X-XX веков. В девяти томах. – М.: Юридическая литература, 1988. – Т. 6. Законодательство первой половины XIX века. – С. 174 – 309.
17. Черепанова Е.В. Становление и развитие института уголовной ответственности за преступления, совершаемые в составе организованных групп: Автореф. дис...канд. юрид. наук / Е.В. Черепанова. – М., 2009. – 29 с.

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ СТАТУСА НЕПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫХ ПРАВООЩИТНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ

А.Б. Хаджиева (Псков, Россия)

Неправительственные правозащитные организации это один из видов общественных объединений, поэтому правовые нормы, регулирующие деятельность общественных организаций, в полной мере относятся и к деятельности правозащитных организаций. В соответствии с Конституцией РФ 1993 года [1] правовая система РФ включает в себя нормативные акты трех уровней: международного, федерального и субъектов РФ. На международном уровне, это - международные договоры, общепризнанные принципы и нормы международного права. На федеральном уровне - Конституция РФ, имеющая высшую юридическую силу, которой не должны противоречить все другие законы и правовые акты, принимаемые в РФ, Федеральные конституционные законы, принимаемые в предусмотренных Конституцией РФ случаях и имеющие большую юридическую силу, чем другие законы, Федеральные законы; указы Президента, которые не должны противоречить Конституции и федеральным законам (ст.90), постановления и распоряжения Правительства РФ, которые принимаются на основании и во исполнение Конституции РФ, федеральных законов и нормативных указов Президента РФ, нормативные акты министерств и ведомств, которые могут приниматься только в случаях, предусмотренных законом.

На уровне субъектов Федерации правовую систему определяют: конституции республик, уставы краев, областей, городов федерального значения; законы, принимаемые законодательными (высшими представительными) органами государственной власти субъектов РФ, иные нормативные акты.

Международные договоры, общепризнанные принципы и нормы международного права в соответствии с ч. 4 ст. 15 Конституции РФ являются составной частью правовой системы Российской Федерации. Исходя из этого Конституция РФ определяет, что если международным договором России установлены иные правила, чем предусмотрены внутренним законодательством, то применяются правила международного договора.

К первостепенным международным актам, устанавливающим основы статуса общественных объединений, относятся: Устав Организации Объединенных наций[2]; Всеобщая декларация прав человека от 30 декабря 1948г. (ст.20)[3]; Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г.[4]; Международный пакт о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 г. (ст.22)[5]; Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах от 16 декабря 1966 г. (ст.8)[6], а также целый ряд региональных и специальных договоров.

Большое значение имеют и документы международных межгосударственных организаций. В частности, для общественных объединений важны конвенции и резолюции Международной организации труда (МОТ), членом которой являлся СССР, а сейчас Россия. Особенно важна Конвенция № 87 от 9 июля 1948 г. «О свободе ассоциаций и защите права на организацию»[7].

Следует отметить, что в настоящее время, кроме Конституции РФ, существует ряд федеральных законов, регламентирующих деятельность общественных объединений и отдельных их видов. К таким законам можно отнести: Федеральный закон от 14 апреля 1995 г «Об общественных объединениях»[8]; Федеральный закон от 12 января 1996 г.«О некоммерческих организациях»[9], Федеральный закон от 28 июня 1995 г.«О государственной поддержке молодежных и детских общественных объединений»[10], Федеральный закон «О благотворительной деятельности и благотворительных организациях» от 11 августа 1995 г.[11], Федеральный закон «О профессиональных союзах, их правах и гарантиях деятельности» от 12 января 1996 г.[12], некоторые нормы Гражданского кодекса РФ (часть 1)[13].

Основная нагрузка в правовом регулировании деятельности общественных объединений приходится на Федеральный закон «Об общественных объединениях». Однако, практика применения этого закона выявила ряд недостатков. Так, проект Федерального закона «Об общественных объединениях» готовился еще до принятия Конституции 1993 г. в период политических преобразований в стране. Основной акцент при его разработке делался на создание основ развития институтов гражданского общества, закрепление гарантий от чрезмерного вмешательства государства в процессы становления гражданского общества. Стремление уйти от прежней практики огосударствления общественных объединений выразилось в прямом запрете вмешательства органов государственной власти и их должностных лиц в деятельность общественных объединений, в запрете для государственных органов быть учредителями общественных организаций (ст. 17,19).

Однако недооценка в сфере правового регулирования создания и деятельности общественных объединений, значения государственно- управленческих функций Закона проявилась в определенном дисбалансе прав и обязанностей общественных объединений, недостаточно четкой проработке механизмов государственного контроля за деятельностью общественных организаций.

В правовой регламентации регистрационной деятельности также существуют определенные коллизии. Закон предусматривает регистрацию создаваемых гражданами общественных объединений. Правоспособность общественного объединения как юридического лица возникает с момента регистрации данного объединения (ст. 18, 21). Согласно ч. 3 ст. 29 Закона, объединения обязаны ежегодно информировать зарегистрировавший их орган о продолжении своей деятельности с указанием действительного места нахождения своего руководящего органа, своего названия и прочих реквизитов, включаемых в государственный реестр.

Однако по ч. 7 ст. 29 объединение фактически может не представлять такие сведения в течение трех лет, так как только по истечении этого срока регистрирующий орган имеет право обратиться в суд с иском о признании данного объединения прекратившим свою деятельность в качестве юридического лица. Как подтверждает практика, непредставление общественным объединением обновленных сведений о продолжении своей деятельности органу, регистрирующему общественные объединения, является распространенным нарушением. Имеют также место случаи, когда акт государственной регистрации в органах юстиции является единственным известным общественности реальным действием общественногосударственного объединения.

Прежде всего отметим отсутствие формальной определенности ряда норм, регламентирующих, в частности, основания ликвидации или запрета деятельности общественных объединений. Например, Федеральный закон «Об общественных объединениях»(ч. 1 ст. 44) устанавливает возможность принятия судом решения о ликвидации в связи с «неоднократными или грубыми нарушениями общественным объединением Конституции Российской Федерации, федеральных конституционных законов, федеральных законов или иных нормативных правовых актов либо систематическим осуществлением общественным объединением деятельности, противоречащей его уставным целям».

Какие нарушения Конституции РФ и законов можно рассматривать как грубые, учитывая, что основанием приостановления деятельности общественного объединения согласно ч. 1 ст. 42 вышеуказанного Федерального закона является просто «нарушение общественным объединением Конституции Российской Федерации, законодательства Российской Федерации»? В каком случае следует считать, что имеются признаки неоднократности и систематичности в осуществлении противоправной деятельности? В частности, имеет ли значение промежуток времени, прошедший между выявленными нарушениями законодательства?

Ответы на эти вопросы должен дать суд, и его выводы в преломлении к конкретным обстоятельствам дела могут быть весьма неоднозначными. Совершенно очевидно, что данная норма чрезмерно расширяет пределы судейского «усмотрения» и может быть истолкована по-разному, что ведет к нарушению конституционного принципа равенства всех перед законом и судом (ч. 1 ст. 19 Конституции РФ). Для устранения подобной неопределенности необходима законодательная конкретизация оснований ликвидации общественного объединения или хотя бы разъяснение соответствующих законоположений Пленумом Верховного Суда Российской Федерации, что способствовало бы единообразию судебной практики.

То же можно сказать и о понятии «экстремистская деятельность (экстремизм)», предусмотренном п. 1 ст. 1 Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности»[14].

Данная норма неоднократно изменялась законодателем и представляет собой совокупность многих признаков, сформулированных весьма обобщенным образом. Но вышеуказанный Федеральный закон связывает с установлением любого из данных признаков возможность применения мер публично-правовой ответственности к общественным объединениям, вплоть до их ликвидации. Как свидетельствует анализ практики, суды принимают решения об установлении признаков экстремизма на основе выводов достаточно сложных экспертиз, качество проведения которых иногда вызывает нарекания[15].

Формальная неопределенность норм, применяемых судами при рассмотрении дел о ликвидации и запрете деятельности общественных объединений, в известной мере может быть обусловлена и несовершенством их законодательных формулировок. Например, Федеральный закон «О профессиональных союзах, их правах и гарантиях деятельности»(ч. 3 ст. 10) предусматривает, что, «если деятельность профсоюза противоречит Конституции Российской Федерации, конституциям (уставам) субъектов Российской Федерации, федеральным законам, она может быть приостановлена на срок до шести месяцев или запрещена решением Верховного Суда Российской Федерации или соответствующего суда субъекта Российской Федерации по заявлению Генерального прокурора Российской Федерации, прокурора соответствующего субъекта Российской Федерации».

Данная норма вызывает ряд замечаний. Во-первых, она не конкретизирует характер и степень тяжести противоправного деяния, являющегося фактическим основанием для ответственности профсоюза. В буквальном смысле эта норма означает, что любое, даже незначительное, нарушение законов, особенно если оно имело место неоднократно, может привести к прекращению деятельности профсоюза. Аналогичным образом выглядит и положение ч. 1 ст. 44 Федерального закона «Об общественных объединениях», предусматривающее, что основанием ликвидации общественного объединения является «нарушение... прав и свобод человека и гражданина». Подобная формулировка более подходит для характеристики последствий противоправного деяния, чем его объективной стороны.

Во-вторых, данная норма не дифференцирует основания для приостановления деятельности профсоюза и ее запрета. Это означает, что судья по собственному усмотрению при отсутствии каких-либо четких законодательно установленных критериев должен принять решение, какую из двух мер применить в конкретном случае. Следует отметить, что содержание этой нормы не корреспондирует с аналогичными положениями иных Федеральных законов - «Об общественных объединениях» (ст. 42, 44), «О противодействии экстремистской деятельности» (ст. 9, 10), которые не только проводят различия между основаниями приостановления деятельности и ликвидации общественного объединения, но и иным образом регламентируют соотношение соответствующих процедур.

В-третьих, не является корректной общая формулировка одной из применяемых судом санкций - запрета деятельности профсоюза. Не вполне понятно, означает ли такой запрет, что профсоюз, обладающий правами юридического лица, прекращает существование как организация, или нет.

В-четвертых, применение судом вышеуказанных мер может быть инициировано соответствующим прокурором. Однако, как уже отмечалось выше, Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации» (ч. 2 ст. 1, ч. 1 ст. 21)[16] упоминает о надзоре за соблюдением Конституции РФ, исполнением законов лишь органами управления и руководителями некоммерческих организаций, а не самими организациями, и в связи с выявленными нарушениями наделяет прокуроров правом обращения в суды. Вопреки этому ч. 1 ст. 38 Федерального закона «Об общественных объединениях» предусматривает, что органы прокуратуры осуществляют надзор за соблюдением законов непосредственно общественными

объединениями. В данном случае имеет место несогласованность норм различных федеральных законов, которая должна быть устранена.

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 / с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 01.08.2014.
2. Устав Организации Объединенных Наций: принят в г. Сан-Франциско 26.06.1945 // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами: Вып. XII, - М., 1956, с. 14 – 47.
3. Всеобщая декларация прав человека: принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948 // Российская газета. 10.12.1998.
4. Конвенция о защите прав человека и основных свобод: Заключена в г. Риме 04.11.1950 // Собрание законодательства РФ. 2001. № 2. Ст. 163.
5. Международный пакт о гражданских и политических правах: Принят 16.12.1966 Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН // Бюллетень Верховного Суда РФ. № 12. 1994.
6. Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах: Принят 16.12.1966 Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН // Бюллетень Верховного Суда РФ. № 12. 1994.
7. Международные акты о правах человека: Сборник документов. - М., 1998.
8. Сборник международных договоров. Права человека. ООН.- Нью- Йорк, Л 1989.
9. Федеральный закон РФ от 19.05.1995 № 82-ФЗ (ред. от 20.12.2017) «Об общественных объединениях» // Собрание законодательства РФ. 1995. № 21. Ст. 1930.
10. Федеральный закон РФ от 12.01.1996 № 7-ФЗ (ред. от 31.12.2017) «О некоммерческих организациях» // Собрание законодательства РФ. 1996. № 3. Ст. 145.
11. Федеральный закон РФ от 28.06.1995 № 98-ФЗ (ред. от 28.12.2016) «О государственной поддержке молодежных и детских общественных объединений» // Собрание законодательства РФ. 1995. № 27. Ст. 2503.
12. Федеральный закон РФ от 11.08.1995 № 135-ФЗ (ред. от 05.05.2014) «О благотворительной деятельности и благотворительных организациях» // Собрание законодательства РФ. 1995. № 33. Ст. 3340.
13. Федеральный закон РФ от 12.01.1996 № 10-ФЗ (ред. от 03.07.2016) «О профессиональных союзах, их правах и гарантиях деятельности» // Собрание законодательства РФ. 1996. № 3. Ст. 148.
14. Гражданский кодекс РФ (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ(ред. от 29.12.2017) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
15. Федеральный закон РФ от 25.07.2002 № 114-ФЗ (ред. от 23.11.2015) «О противодействии экстремистской деятельности» // Собрание законодательства РФ. 2002. № 30. Ст. 3031.
16. Права - не дают, права - берут. Доклад Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2016 год // Российская газета. 2016. 28 мая.
17. Федеральный закон РФ от 17.01.1992 № 2202-1 (ред. от 31.12.2017) «О прокуратуре Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 1995. № 47. Ст. 4472.

НОВОВВЕДЕНИЯ В ТАМОЖЕННОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

И.И. Шматков (Витебск, Беларусь)

В январе 2018 года вступил в действие новый таможенный кодекс. Теперь во всех странах ЕАЭС единые нормы и правила таможенного регулирования.

Таможенный кодекс ЕАЭС - основополагающий свод правил регулирования внешнеэкономической деятельности для государств-членов: России, Беларуси, Казахстана, Армении и Кыргызстана.

В ходе проведенной работы были кодифицированы 20 международных договоров. В главном таможенном законе учтено 70 процентов предложений от бизнеса.

Отличие нового Таможенного кодекса от предшественника в том, что он полностью ориентирован на электронные технологии. Например, внедрение приоритета электронного декларирования, закрепление возможности проведения операций и контроля не только сотрудниками таможенных органов, но и информационными системами позволяют практически исключить контакт между должностным лицом таможни и субъектом внешнеэкономической деятельности.

Установлена возможность передачи на территории ЕАЭС временно ввезенного транспортного средства для личного пользования физическим лицом государства-члена ЕАЭС родителям, детям, одному из супругов, состоящим в зарегистрированном браке. Также появилась возможность подать предварительную декларацию на товары, даже если товар поступил на таможенную территорию ЕАЭС, но еще не прибыл на место доставки. Это, кроме всего, будет способствовать оптимизации расходов участников ВЭД. Значительно сокращены сроки выпуска товаров - до четырех часов.

Таможенный кодекс ЕАЭС предусматривает принципиально новый подход к институту уполномоченного экономического оператора - создана оптимальная модель взаимоотношений между таможенной службой и бизнесом.

С принятием кодекса подписано решение ЕЭК о новых правилах провоза товаров физ. лицами для личного пользования. Ранее эти нормы устанавливались отдельным соглашением, а сейчас они кодифицированы в Таможенный кодекс ЕАЭС. Однако нормы беспошлинного ввоза четко прописаны не в кодексе. Кодексом четко определена компетенция Евразийской экономической комиссии на установление таких норм. После принятия решения ЕАК будут определены нормы на национальном уровне.